

*К 90-летию Бориса Никольского
и Николая Никольского*

Наталия НИКИТАЙСКАЯ

ПРИВЕТКУС...

Ровно в одиннадцать вечера или около того Боря садился в кресло у телефона, набирал привычный номер и произносил с домашней, предназначенной только одному человеку интонацией словечко, тоже адресованное только ему, Коле, брату:

— Приветикус...

А дальше начинался подробный разговор о прожитом за день, о проблемах, о путях преодоления проблем, о том, что сделано и что еще следует сделать, о семейных планах, о рабочих необходимостях. Проще говоря, разговор обо всех частностях общего течения двух жизней — жизней братьев Никольских.

И мне кажется позволительным выразиться здесь более высоким стилем: УДИВИТЕЛЬНЫХ И УНИКАЛЬНЫХ братьев Никольских.

9 октября 2021 года им должно было бы исполниться по девяносто лет. Но десять лет тому назад, немного не дожив до восьмидесятилетия, скончался Борис Николаевич, а в этом году от осложнений после перенесенного коронавируса ушел из жизни Николай Николаевич, тоже немного не дожив до значительного юбилея. А собирался жить долго и имел к этому все предпосылки... И здоровый образ жизни, и непреходящий интерес к окружающему, и деятельное участие в академической сфере...

А ведь все это давалось ему не так-то легко, учитывая серьезные проблемы со зрением. На глазах Николай Николаевич перенес бесчисленное количество операций. Видел крайне плохо. Но не сдавался и не прекращал своей работы. И до конца сохранял присущее обоим братьям качество: все схватывать на лету, все запоминать, помнить долго и делать практические выводы.

На даче в Комарово я читала Коле и Нине (жена Николая Николаевича — тоже биолог, Нина Александровна Виноградова) довольно большую, серьезную, только что написанную статью. И когда закончила чтение, Коля сказал: «Хорошая статья. Но два слова мне не понравились, а один оборот показался неудачным». И вопреки своему упрямству я не могла не согласиться с его замечаниями. Очень были точными.

Мальчики Никольские появились на свет с разницей в три часа. Коля был старшим. Пока они были маленькими, их одинаково одевали, но и тогда, похожие друг на друга, они все-таки были разными. А по мере взросления разница становилась все опре-

---

Наталия Николаевна Никитайская — фантаст, прозаик, поэт. По образованию театровед. Автор книг «Вторжение Бурелома», «Мир отдан Адаму, или Траур позднего ожидания», «Будь ты проклят, любовь моя». Живет в Санкт-Петербурге.

деленнее. И род занятий каждый из них выбрал свой. Окончив школу с золотыми медалями, оба поступили в вузы: Коля — на биофак Ленинградского государственного университета, а Боря — в Московский литературный институт.

Вспомнились некоторые рассказы Бори о детских годах. «Я был худым. Втягивал в себя живот и перед сном пугал Колю: „Шкелет!“ И к радости моей, брат всегда пугался». Дети Боба и Ника были весьма бесхитростными. И в этом очень друг на друга похожими. Однажды в доме появились конфетки драже с витаминной начинкой. Начинка эта детям не понравилась. И конфеты оставались практически нетронутыми. До тех пор, пока в гости не зашла какая-то девочка. За очень короткое время конфетки были ею проглочены. Что, естественно, вызвало похвалу взрослых. А когда гостя ушла, все витаминные шарики из драже обнаружались на полу под столом... Эту историю оба брата почему-то не забывали.

Честность... Неужели отмирающее понятие? Для Никольских честность в самом широком смысле этого слова была свойством основополагающим. И в быту, и в работе. Ни в одном своем произведении Борис Никольский не написал ни одной лживой строчки. Ошибочной? Возможно. Человеку свойственно заблуждаться... Но сознательно лживой — никогда. А биологу Николаю Никольскому вряд ли пришло бы в голову подтасовать результаты экспериментов. Нонсенс! Но ведь даже в науке случается. Однако Николай Николаевич всегда стоял за чистоту и честность эксперимента и того же требовал от своих сотрудников.

Понятия Честность и Профессионализм были увязаны для братьев самым прочным образом. Возможно, благодаря еще и этому обстоятельству каждый из них в своей области добился весьма значительных, впечатляющих успехов. В повести «Баллада о далеком гарнизоне» Бориса Никольского есть такой эпизод. На политзанятии солдаты перечисляют качества, нужные рядовому, спасшему тонущую девочку. Перечисляются: мужество, решительность, выносливость, смелость... И в самом конце обсуждения один из солдат заметил: «По-моему, рядовой Иванов должен был еще уметь плавать...»

Всю свою сознательную жизнь оба брата постоянно и неукоснительно «учились плавать». Дотошность и тщательность, когда и в самом масштабном деле не упускается из внимания самая, казалось бы, незначительная деталь, обеспечивали успех этому масштабному делу. Будучи главным редактором журнала «Нева», Борис Николаевич осваивал новое по тем временам ремесло верстальщика. А Николай Николаевич, когда был директором Института цитологии Академии наук, изучал устройство отопительной системы здания, потому что возникали какие-то вопросы по оплате.

Основательность у окружающих может вызывать раздражение, основательность часто путают с занудством. Однажды, когда Боря лежал в больнице в гипсе со сломанной ключицей, я попросила всех уйти пораньше, чтобы заняться «головомойкой». Коля забеспокоился: «Да, но мы же не продумали... Это же сложный процесс...» Но все оказалось продуманно и не так уж сложно.

Нет, кому как, а Никольским-то точно повезло родиться двойняшками и стать друзьями не разлей вода. Занимаясь каждый своим делом, они «подтягивали» друг друга к тому, что их волновало в данный момент. И поэтому Борис неплохо знал биологию, а Николай ориентировался в проблемах современной литературы. Не будь рядом брата-биолога, скорее всего, не написал бы Борис Никольский ни «Жду и надеюсь», ни «Белых шаров, черных шаров», ни «Формулы памяти». Все эти произведения посвящены проблемам науки, людям науки — очень разным по своим творческим и душев-

ным качествам. И это не было «списывание» с жизни Николая, хотя какие-то детали его биографии совпадают с деталями биографии одного из героев — Решетникова (например, поездка его на Камчатку), — все-таки это было творческое, художественное осмысление очень близкого автору материала.

Николаю Николаевичу как ученому пришлось прожить те времена, когда генетика в Стране Советов была в загоне, когда проверялись «на вшивость» люди, с которыми бок о бок и учились, и работали. Есть ли оправдание у тех, кто при первых же признаках гонения сдавался сам и сдавал своих учителей и единомышленников? В повести «Жду и надеюсь» прослеживается судьба и таких героев. И то, что с ними происходит с течением времени, имеет в повести решение не прямолинейно-воинственное, как это бывало обычно, а философски-примирительное: люди должны заниматься тем делом, которое они знают, и оправдывать таким образом свое существование на этой земле, искупая в какой-то степени свои ошибки.

Надо сказать, что ни по выходе этих книг не было достойной их похвальной критики, ни в наши дни никто про них не вспоминает: все советское — а особенно советская литература — задвигается куда-то на задворки нашей жизни. И порой огульно считается провальной, что, конечно же, не соответствует истине. Напротив, советская литература явила миру нескончаемый ряд шедевров. Начиная с «Тихого Дона», скажем, или «Василия Теркина». Но это уже тема отдельного, другого разговора. Ведь до чего дожили в девяностых: до утверждения, что во всех бедах России виновата классическая литература, а Пушкин и Толстой вполне себе дутые величины!.. К счастью, в этом смысле положение потихоньку исправляется...

Впрочем, совсем незамеченными книги «про науку» Бориса Никольского не прошли. И повесть «Жду и надеюсь» (художественный фильм «Сегодня или никогда»), и роман «Формула памяти» (одноименный видеофильм) были экранизированы. С большей или меньшей степенью удачности. В последний год своей жизни Николай Николаевич пересматривал эти фильмы.

В январе этого года на своей страничке в Интернете сын выложил к десятилетию кончины Бори небольшой очерк. Среди откликов друзей сына был такой: «В детстве я зачитывался „Историями рядового Башмакова“». Таких детей были миллионы в СССР. Десятками тысяч в издательства приходили письма от тех, кто, прочитав книжки Никольского, захотел стать танкистом, или десантником, или парашютистом, или простым пехотинцем...

Армейская тема для Бориса Никольского особая и особенная. В рассказе о наших жизнях без этой странички не обойтись.

И снова придется вернуться к понятию Честность. Именно так, с большой буквы. В ряду книг, написанных об армии, первой стоит «Повесть о рядовом Смородине, о сержанте Власенко и о себе», где Никольский описывает вовсе не идеальные армейские взаимоотношения. «О чем эта повесть? О человеческом достоинстве, если сказать коротко» — так значительно позже определял автор. По существу, это был его дебют в большой литературе. Повесть была напечатана в журнале «Юность» в 1962 году. И появление этой повести не прошло незамеченным. Возмущение воинских чиновников было искренним, дружным и непримиримым. Честное описание системы армейского воспитания, где солдату отказывают в праве на самоуважение, понравиться не могло.

Есть все-таки некоторая справедливость в том, что Боря успел изложить любопытную и очень показательную для того времени историю этой публикации. И каждый, кому это будет интересно, сможет познакомиться с ней в книге «Святая простота».

Ну, а потом одна за другой возникают книги об армии для детей. «Армейская азбука», «Солдатская школа», «Как я прыгал с парашютом», «Истории рядового Башмакова» и т. д.

Это был период авторского торжества. Далеко не всем писателям выпадает такая слава: подрастающее поколение зачитывается книжками и благодаря этому чтению выбирает свой жизненный путь. Такого рода воздействие на умы дается очень немногим. Борису Никольскому оно было дано.

Девяностые годы перечеркнули этот род занятий. Объявленный «милитаристом» Никольский как автор книг об армии издаваться перестал. Вот что написал Борис Николаевич в 2001 году о своих «армейских детских книгах»: «Цель этих книг — воспитание уважения к людям в погонах и их нелегкому и благородному труду во имя Отечества. Понимаю, что эти книги идут как бы вразрез с теми злопыхательствами, с теми помоями, которые были выплеснуты на головы военных в конце восьмидесятых — начале девяностых годов. Но я своих убеждений не менял и не меняю».

Востребованным оказался в последние годы только документальный очерк о пионере-герое Саше Бородулине. Я пыталась обратить внимание издательства на обширное наследие Бориса Никольского, но заинтересованности проявлено не было. А ведь, казалось бы, отношение к армии в стране уже не такое, как в девяностых. И нет пока современного детского писателя, с той же степенью таланта пишущего о солдатах.

Вспоминая эти пресловутые «девяностые», обязательно хочу напомнить о том, как «старший» брат Николай Николаевич помог «младшему» брату Борису Николаевичу сохранить редакцию журнала «Нева», которую путем хитроумных, разбойных приемчиков выжили добрые люди с Невского проспекта.

Он, «старший брат», просто-напросто приютил «Неву» в Институте цитологии РАН. И пока город искал — а надо отдать городу в лице Валентины Ивановны Матвиенко должное — в конце концов и нашел приемлемое решение, сохранил для Санкт-Петербурга важную литературную единицу, — братья какое-то время работали под одной крышей. Совсем нечастое в их жизни явление.

Но есть повод снова вернуться к армейской теме. В несколько неожиданном ее аспекте. Кто же не знает, что российский трехэтажный, чуть ли не основной язык в армейской среде? Во всяком случае, анекдотов на эту тему немало. Защитники неформальной лексики наверняка попеняли бы автору «Баллады о далеком гарнизоне» Борису Никольскому на отсутствие таковой в его книге. Но в том-то и дело, что Боря ни разу в своей жизни не только в книгах, но и в быту не употребил ни одного матерного слова. И я, выросшая в семье офицера, часть службы которого прошла в глухом краю страны — на Камчатке, никогда не слышала мата ни в речи родителей, ни в речах тех, с кем папа служил и дружил. Сознательно или неосознательно детей оберегали от «бескультурия». Боря же именно сознательно боролся с неформальной лексикой в нашей литературе. И Коля всегда его в этом поддерживал. Нет, я не могу поручиться за папу: все-таки он прошел всю войну — наверное, приходилось реально и экстремально оценивать обстановку и людей. Но братья Никольские не употребляли этих слов никогда. И если для меня понятие настоящий ленинградец чем-то характеризуется, то и этим обстоятельством наверняка. А НАСТОЯЩИЙ ЛЕНИНГРАДЕЦ — очень высокое звание, ко многому обязывающее. Братья Никольские были именно такими ленинградцами. И повезло всем тем, кому довелось с ними общаться.

Каждый из нас легко вспомнит множество случаев из жизни, когда родственники, друзья, знакомые, сослуживцы на заданный ими вопрос: «Как жизнь?» — ответа не ждут, потому что вопрос задают формально. Если же такой вопрос задавал Николай Николаевич, это означало, что его действительно интересует, как и чем ты живешь. Не переставало удивлять, как много он знал и помнил о жизнях своих друзей, коллег, родственников. Как отзывался на их жизненные потребности и словом, и делом.

Я заболела, и мне прописали новое лекарство. Коля спросил его название. И буквально через полчаса перезвонил мне и сказал: «Лекарство очень хорошее. Можешь принимать без опаски». Не передать, как я была тронута. Такое отношение не могло не согреть.

Теперь о воинственности и характере. Совершенно очевидно, что, не обладая сильным характером, добиться в жизни значимых результатов невозможно. И почему-то считается, что воинственность — обязательная составляющая такого характера. Во время Великой Отечественной войны десятилетние братья Никольские оказались в эвакуации в Ташкенте. Они внимательно следили за фронтовыми сводками. Очень сопереживали поражениям и победам советских войск, не сомневались, что когда придет их срок идти на войну, они станут хорошими солдатами. Но при этом они никогда не дрались: ни между собой, ни на улице. Может, в этом было какое-то их особое везение, но и с возрастом жизнь не требовала от них драчливости, необходимости защищать себя кулаком.

Правда, в девяностые в Москве по дороге в гостиницу «Украина» (Боре было уже под семьдесят) на него напали. Нет, Боря пробовал защищаться. Но хватило одного удара грабителей, чтобы вывести его из строя. Естественно, Боря огорчился. Но время было такое: среди наших друзей и знакомых преклонного возраста многие подверглись таким нападениям.

И все-таки сила характера проявляется не столько в драках, сколько в умении, избегая драк, стоять на своем. Яркий пример тому публикация в журнале «Нева» романа Владимира Дудинцева «Белые одежды». Борис Никольский — и на это ему впрямую указывали — мог лишиться своего кресла главного редактора, если не пойдет навстречу требованиям цензуры. Но не подействовали угрозы, не сдался Борис Николаевич и выстоял: и роман напечатал в полном объеме без вменяемых цензурой изъятий, и кресло свое сохранил.

Настойчивость, упорство, упрямство — это ли не те черты, которые необходимы, чтобы добиваться поставленных целей. Разве без этих качеств можно завершить начатый роман или серию затяжных, малопродуктивных на первый взгляд экспериментов? Да нет, конечно. Надо сказать, этих качеств Никольским тоже было не занимать. Противостояние — это ведь необязательно рукопашная. Это может быть творческая дискуссия, соревнование умов, спор идей...

Коллективный труд обеспечивает движение человечества вперед. А коллективный творческий труд раскрывает особенные, важные просторы для человеческого развития. У творческого коллектива обязательно есть лидер. Что бы это ни было: театр, научная лаборатория, космодром, редакция журнала. Братья Никольские всегда были выраженными коллективистами и всегда при этом оказывались в лидерах с непререкаемым авторитетом. Они были носителями того, что я определила для себя как Демократическое Лидерство. Умение слушать и слышать своих оппонентов дано далеко не всем. А умение заражать своими идеями других — тем более дано немногим.

Николай Николаевич Никольский любил свою лабораторию. Он гордился своим институтом. Он горой стоял за общее дело. Традиция чаепитий в лаборатории была для него такой же необходимостью, как физзарядка по утрам. В романе «Жду и надеюсь» герой привозит с Камчатки на такое чаепитие баночку консервов из трепанга и предвкушает удовольствие преподнести угощение своим коллегам. И это определенно подсмотрено Борисом у Николая. Традиция эта не прерывалась до самой ковидной эпохи.

С точки зрения нас, людей непричастных к науке, писать о работе литератора, конечно, намного выигрышнее, чем писать о работе биолога. Когда-то давно Николай Николаевич признался мне, что занялся изучением клетки, потому что хотел понять самое важное в человеке. Но вот познакомлю я вас сейчас с названием кандидатской и докторской диссертаций Николая Никольского, и что? «Кривая силы-деятельности как показатель возбудимости и скорости реагирования» и «Регуляция транспорта сахаров в мышечной ткани». И что? Поняли ли вы, какие задачи ставил перед собой экспериментатор, с какими трудностями сталкивался, что приходилось преодолевать, сколько дней и ночей затрачено впустую, а что принесло наконец долгожданное знание, которое можно было внести в общую копилку знаний о природе человека? Нет, конечно, не поняли. Да это и не нужно, чтобы воздать должное подвижническому труду — ежедневному, рутинному, протянувшемуся через десятилетия. Во всяком случае, со стороны коллег вклад Николая Никольского в биологическую науку был оценен очень высоко. С 1992 года он был избран академиком Российской академии наук.

У Бориса Никольского сохранились некоторые газеты и журналы, изданные братьями в детстве. Разнообразные заметки, подписанные придуманными именами, были обо всем на свете. Это детское увлечение оказалось очень стойким: издательской деятельностью оба занимались долго и продуктивно.

Журнал «Цитология» издавался с 1959 года, и с этого года Николай Никольский был его главным редактором. «Решетников медленно перебирал карточки — названия статей, фамилии авторов, сжатый конспект. Это было его богатство, его гордость — сотни карточек, все, что писалось учеными мира по тем проблемам, которые занимали его, Решетникова», — еще одна цитата-характеристика биолога из романа «Жду и надеюсь». Безусловно, это увлечение приписано герою, потому что оно было у Николая Николаевича. И это занятие переросло в дальнейшем в серьезный интерес к научной статистике вообще. По этому поводу у Николая Николаевича были оригинальные и перспективные предложения.

Николая Никольского отличала бесспорная и энциклопедическая эрудированность. Что называется, такого специалиста на мякине не проведешь, не сможешь, надергав из зарубежных источников цитат по теме, выдать работу за свою. Публикации журнала «Цитология» отличались своим высоким научным качеством, соответствовали запросу времени и всегда были интересны тематически. Ведь выбор этих статей был за Николаем Никольским. При этом он всегда следовал за общим развитием биологической науки, учитывал современный научный уровень.

Главным редактором журнала «Нева» Борис Никольский был назначен в 1984 году. Назначение это совпало с оглушительным журнальным бумом. И журнал «Нева» вырвался на лидирующие позиции по актуальности и востребованности у читателя публикуемых материалов. Но золотое время закончилось, наступили трудные дни выживаемости, когда при выходе в свет одного номера журнала никто не гарантировал выхода следующего номера. Это было время постоянных трудностей, связанных, увы, не с творческими проблемами (скажем, какой материал больше заслуживает публика-

ции), а с тем, хватит ли у редакции денег, будут ли гранты, поможет ли город. К тому же вставал вопрос о независимости журнальной политики. «Разумеется, мы могли бы обеспечить себе более благополучное существование, попади в зависимость от того же фонда Сороса. Но тогда „Нева“ уже не была бы „Невой“», — писал Борис Никольский в 2001 году. Как бы то ни было, но журнал Борис Николаевич сохранил тогда. А его последователи, преодолевая все те же трудности, сохраняют его и по сей день.

Вспомнила сейчас. Боря ездил к сыну в армию. И Миша потом рассказывал: «Узбеки наши спрашивают: «Ты говорил, что отец у тебя главный редактор». — «Да», — отвечаю. «А чего же он такой тощий?!» Не соответствовал Борис Николаевич представлению наших азиатов о большом начальнике. А в Николае Николаевиче тоже не было ни грамма академического зазнайства. Он тоже не сумел бы соответствовать представлению некоторых людей о значительности персоны.

Девяностые годы поставили бывшего советского человека перед сложнейшими нравственными проблемами.

Я не признаю тех людей, которые с радостью подхватили словечко «совок» и кинулись рассказывать о нашей «совковой» никчемности. В Советском Союзе было много разного, но была и основательная прослойка созидателей — думающих и в высочайшем смысле нравственных. В своей фантастической повести «Вторжение Бурелома» я высказала предположение о существовании нравственного пространства, ответственность за которое несет каждый из нас. Николай и Борис Никольские были, без всякого сомнения, носителями нравственного начала. И если такое пространство действительно существует, они были его надежной опорой, его атлантами. Вот написала это сейчас и представила, как была бы высмеяна Никольскими за этот пафос: но ведь правду сказала, чистую правду...

Тема власти и нравственности в какой-то исторический момент стала одной из главных для Бориса Никольского — журналиста. И надо сказать, статьи его пользовались большим успехом у читателей. Но, разумеется, Борис Николаевич не мог не откликаться на литературные темы, на переход к коммерческим путям книгопечатания. «Скажи, что ты читаешь, и я скажу, кто ты», «Литература была, есть и останется как память человечества». Выступал Борис Николаевич против исключительно развлекательной функции литературы, на которой настаивали новоявленные издатели. Впрочем, на этой ниве есть еще немалые просторы для размышлений.

Уже говорилось о том, что Ленинград — это не просто город, а звание ленинградец — это звание, несущее в себе определенные, обязывающие ко многому черты. На исходе своей жизни Борис Никольский удостоился звания «Почетный гражданин Санкт-Петербурга» — заслуженное признание, учитывая еще и ту немалую общественную нагрузку, которую главный редактор журнала «Нева» выполнял. Например, он был членом городской комиссии по помилованию.

Отдельно, особняком стоит история избрания Бориса Никольского в депутаты Верховного Совета СССР в 1988 году и деятельность его в качестве избранного депутата. Много интересного связано было с этими выборами. Именно тогда впервые встретились советские люди с грязными приемами политической борьбы, именно тогда активизировались партийные силы против тех, кто не хотел больше оставаться «пассивным исполнителем чужой воли». Но и тут истории как науке повезло. Чуть позже одно московское издательство заказало Борису Никольскому книгу о Б. Н. Ельцине. И книга «Кремлевские миражи» была написана в срок. Однако издавать ее не стали. Речь все о той же честности. Борис Николаевич Ельцин был тогда еще при власти, а книга

честно описывала перипетии его пути. И это не могло устроить тех, кто хотел угодить главному начальнику. Однако труд писателя все-таки не пропал. При поддержке администрации Санкт-Петербурга в 2001 году «Кремлевские миражи» вышли в свет. И там автор подробно излагает связанные с депутатством события.

Еще один труд Бориса Никольского, который смело можно рекомендовать тем, кто захочет разобраться в событиях тех лет и познакомиться с тогдашними ключевыми фигурами.

За годы жизни Борис Никольский сменил не одно место работы. Тут и Детгиз, и журнал «Костер», и журнал «Аврора», и Ленинградская писательская организация, и журнал «Нева», и Верховный Совет СССР. Творческие командировки, частые поездки в воинские подразделения, туристские поездки, выступления на производствах от Бюро пропаганды, участие в собраниях писателей и в Ленинграде, и в Москве. Насыщенная, полная перемен жизнь. Такое активное знакомство с круговертью бытия для писателя необходимо.

Совсем по-другому выглядит рабочая жизнь Николая Никольского. Место работы было у него одно. Совсем молодым сотрудником он пришел во вновь организующийся институт. Он был одним из тех, кто его и создавал: и в научном смысле, и в смысле технического оснащения. Привязанность к Институту цитологии РАН была равной привязанности к дому. «Я работаю биологом», — это фраза самого Николая Николаевича, многое в нем определяла. Все, чем славился институт, было предметом гордости и заботы его верного работника. Директор института Николай Никольский стремился, чтобы институт всегда был в передовых, поднимался на гребень научной волны. Но при этом не меньшую гордость вызывал в нем знаменитый балет Г. П. Пинаева — нет, ну правда, в каком еще академическом учреждении (кроме, разумеется, самой Академии балета) научные работники танцевали на сцене балетные партии? Он принимал участие в спорах о выборе научного направления или соответствия названия самого института его разработкам. Следил за тем, чтобы сотрудники много печатались в иностранных журналах. Сам постоянно публиковался: за ним больше двухсот научных работ и две монографии. Но одновременно со всем этим мог похвастаться веселыми самодеятельными елками для детей, с удовольствием приглашая на них своих родственников и друзей. Институт был его жизненной стихией. А наука была жизненным предназначением.

Николай Никольский развивал мембранную биологию в СССР. Первым в стране развернул широкое исследование мембранного транспорта неэлектролитов, сахаров и аминокислот в клетках животных. А позже перешел к изучению биологии эмбриональных стволовых клеток человека. Эти работы он считал необычайно важными, так как они выводили на практическое применение освоенных теоретических познаний. Позволяли, например, с большой эффективностью справляться в медицине с ожогами и повреждениями кожных покровов.

Кстати, о названии. Н. Н. Никольский поднимал вопрос о том, что институт вышел из проблем цитологии. Обращался в Президиум АН, просил о переименовании. «Институт биологии клетки» — такое название он предлагал, потому что основной разработкой института стала клеточная биология. Неясно, по каким причинам, но решение по этому вопросу принято не было.

При том, что профессионально братья были нагружены весьма основательно, и Николай Николаевич, и Борис Николаевич, никогда не избегали так называемых «обще-

ственных нагрузок» (чисто советский, но в данном случае очень подходящий термин), которые были необходимы им в силу именно общественного темперамента и желания воздействовать на общественные процессы. Так, Николай Никольский был председателем поселкового совета Комарово, подключался к решению проблем академического городка. На своем девяностом году жизни Николай Никольский имел столько обязанностей (вовсе не номинальных), сколько и не каждый молодой человек потянет...

Последние десять лет каждый вечер я звонила Коле, отчитывалась за прожитый день. Шла у них с Ниной под кодовым именем «Наша Наташа». И вот однажды вместо обычных приветствий у меня вырвалось: «Приветикус!» На том конце провода повисла тишина. Потом раздался вздох, и я услышала: «А, ну да...» Словечко это принадлежало только им. И словечка этого по вечерам Николаю Никольскому явно недоставало, но произнесенного другим Никольским — Борисом...

Вот так оглянешься назад и понимаешь: оба брата, занимаясь своим будничным, как им казалось, трудом, вносили свою частичку в познание природы человека и человеческого сообщества. Неплохо, совсем неплохо...

А теперь предлагаю читателю представить себе некий семинар, где темой обсуждения будет вопрос: «Какими качествами должен обладать человек, чтобы прожить такую же насыщенную, плодотворную и яркую жизнь, какую прожили братья Никольские?»

Но для начала вычеркнем те черты, которых в этом человеке не должно быть. Несправедливое, нечестное, агрессивное, уродливое надо исключить сразу. Интриги, подсиживание, карьеризм, рвачество отринуть как негодное, не имеющее права на существование.

Зато оставим: благородство, артистизм, редкое обаяние, работоспособность, миролюбие, высокоразвитый интеллект, легкость, доброжелательность, остроумие, отзывчивость, доброту... Согласитесь, немало. И ведь это наверняка еще не все. Да и про «умение плавать» забывать не стоит.

А еще эти люди умели создавать вокруг себя теплую и радостную атмосферу. И теперь, когда их не стало, в мире убыло тепла, убыло...